
 реальные истории
из жизни современных
писателей

СПАСИБО!

*Посвящается тем,
кто изменил наши жизни*

• **БОЧКОВ** ВАЛЕРИЙ • **ВИШНЕВСКИЙ** ВЛАДИМИР

• **ГУБЕРМАН** ИГОРЬ • **КРЮКОВА** ЕЛЕНА

• **КУЗЕЧКИН** АНДРЕЙ • **ЛАВРЕНТЬЕВ** МАКСИМ

• **ЛАНДАУ** БЕРТА • **ЛУНИНА** АЛИСА

• **МЕТЛИЦКАЯ** МАРИЯ • **МИРОНИНА** НАТАЛЬЯ

• **НЕСТЕРИНА** ЕЛЕНА • **ПЕТРОВ** СЕРГЕЙ

• **ПЕТРУШЕВСКАЯ** ЛЮДМИЛА • **РАЙТ** ЛАРИСА

• **ПОКРОВСКАЯ** ОЛЬГА • **РОЙ** ОЛЕГ

• **ТРОНИНА** ТАТЬЯНА • **УЛЬЯ** НОВА

• **ЧИЖ** АНТОН • **ЩЕГЛОВА** ИРИНА

Москва
2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С71

Художественное оформление серии
П. Петрова

Спасибо! Посвящается тем, кто изменил наши
жизни : [сборник]. – Москва : Издательство «Э»,
2018. – 320 с. – (Перемены к лучшему).

ISBN 978-5-04-091074-8

Как сложно иногда произнести самые простые и самые важные на свете слова – «прости», «люблю», «спасибо»!.. Даже не важно, услышит ли их тот, кому они предназначены, важно, что крупица добра, искренности и благодарности способна согреть многих и многих людей, пробудить в душах сопереживание, помочь самому стать немного внимательнее к окружающим.

В этом сборнике собраны пронзительные рассказы из реальной жизни современных писателей. Людмила Петрушевская, Олег Рой, Мария Метлицкая, Владимир Вишневский и многие другие раскрывают свои секреты и готовы публично произнести слова любви и благодарности.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петрушевская Л., 2018	© Карпович О., 2018
© Щеглова И., 2018	© Тронина Т., 2018
© Чиж А., 2018	© Метлицкая М., 2018
© Кузечкин А., 2018	© Артемьева Г., 2018
© Лаврентьев М., 2018	© Крюкова Е., 2018
© Бочков В., 2018	© Вишневский В., 2018
© Лунина А., 2018	© Губерман И., 2018
© Нова У., 2018	© Райт Л., 2018
© Нестерина Е., 2018	© Артемьева Г., 2018
© Петров С., 2018	© Оформление. ООО
© Резепкин О., 2018	«Издательство «Э»,
© Миронина Н., 2018	2018

ISBN 978-5-04-091074-8

*Большое спасибо Яковлевой Ольге,
оказавшей помощь
в формировании данного сборника,
всем специалистам – сотрудникам
издательства и типографии,
участвующим в процессе его издания,
а также всем тем, кто его прочтет.*

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Людмила Петрушевская пишет, как она выражается, все — и добавляет: «Кроме доносов». Изобретает новый язык и сочиняет на нем цикл сказок. Выступает с концертами как певица, автор и композитор, устраивает выставки своих работ и за все это получает премии: Государственную премию, независимую премию «Триумф», театральную «Станиславский», премии Бунина, Гоголя, Довлатова, немецкую Pushkinpreis, американскую World Fantastik Award, русско-итальянскую «Москва — Пенне» и др.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Инна Петровна Борисова, вот кому я прежде всего обязана.

Я в 1967 году написала свой первый настоящий рассказ «Такая девочка, совесть мира».

Тогда я работала в журнале с пластинками, он назывался «Кругозор». Располагалась наша редакция на радио, на втором этаже, и я туда перешла из редакции «Последних известий», находившейся на четвертом, где перед тем работала корреспондентом и бегала с «крупорушкой» (так мы называли восьмикилограммовый магнитофон) по всяким культурным мероприятиям, открытиям выставок в частности, и делала двухминутные репортажи или писала на полстранички «сюськи», информашки, в вечерний или ночной выпуск новостей.

Никому в нашей стране это было не нужно. Люди слушали радио ради прогноза погоды и футбола. А все эти последние известия, новости жизни, у нас были в основном из области промышленности и сельского хозяйства. Где чего запустили и что опять начали сев раньше прошлого года.

Отдел культуры считался в редакции излишним. От меня спрашивали только цифры и факты — тогда-то, там-то, название, столько-то, до такого-то числа. Требовалось сухо и кратко изложить новость.

Первую «сюсюку» я по неведению (и послушав радио) постаралась написать иначе — получше, как бы привнести лирику в культурные новости. И она начиналась так: «Тихие воды медленных северных рек, костры по ночам». Дальше следовала информация, что это — картины такого-то художника, которые можно посмотреть там-то с сегодняшнего дня и по такое-то число. И этих картин столько-то.

Короче, диктор (кажется, Высоцкая) сбилась после первой же фразы. Начала она очень поделовому, быстро и четко (ну как «вторая очередь домны задута на Верхнезадрипенском комбинате»), а потом как бы призадумалась: а что это я, граждане, вам читаю? Какие-такие тихие воды, черт меня дерит? И дальше она произносила текст как-то недоверчиво и придиричиво. Вот так и завершилась моя революция.

Я опозорилась, и в редакции меня прозвали «нуты, Паустовский».

Разумеется, я пыталась писать для себя, в тетрадках в клеточку. Один рассказ моя подружка, Марина Левитанская, с которой мы вместе работали, отдала известному критику, и тот ей сказал, что Ахмадулина по сравнению со мной — талантливая графоманка. Приехали.

Но поскольку рассказ был в одном экземпляре, я договорилась с критиком по телефону, что заберу рукопись. И мы познакомимся.

Поехала я после работы на метро «Аэропорт» в писательские дома. С благоговением нажала на кнопку звонка. Дверь открыла жена критика, которая протянула мне рукопись со словами «мы уже легли». Жена оказалась с очень большой голый грудью, но в трико телесного цвета. Я дико испугалась и больше никогда в эту дверь не звонила. Что и требовалось.

Это уже были нравы Союза писателей, с которыми я время от времени поневоле знакомилась. Голая жена это ладно, но когда после пирушки на одной известной даче в Коктебеле тебя у выхода берут за локоток, останавливают и ведут обратно за стол, а там сидит знаменитый поэт, который весь вечер не давал никому слова сказать, все выступал, и только Виктору Некрасову однажды дал такую возможность, спросив его: «Вика. А я буду писать прозу?» На что строптивый Некрасов ответил: «Да». А теперь этот поэт мрачно ждет тебя для продолжения банкета... А ты испуганно бормочешь, что у тебя сейчас автобус, ты не можешь. И когда ты выбираешься на улицу, то выясняется, что вся толпа гостей ждет у калитки, чем дело кончится. Останется на ночь эта ваша хваленая Петрушевская или нет.

В 1964 году я ушла из «Последних известий», меня приняли на работу в звуковой журнал «Кругозор», а той же осенью мой муж разбился в экспедиции, перелом позвоночника, паралич. Начались хождения по мукам, больницы, наш сынок Кирюша в полтора годика после прививки заболел, пошла у него удушья, бронхиальная астма. Главное, что я не могла взять беспомощного мужа к себе, ему нужна была отдельная комната, а у нас в квартире имелось их только две — в маленькой жила мама, у нее началась шизофрения, боязнь милиции и машин «Скорой помощи» — все это на почве пожизненного страха, что она член семьи врагов народа, она всю жизнь это скрывала в анкетах. А в большой комнате жили мы с Кирюшей.

И мой Женя в промежутках между больницами кое-как обитал у родителей. А им это было в тягость. И они (номенклатурные работники, папаша когда-то числился замминистра госконтроля) еще боялись, что и я с Кирюшей у них поселюсь — а квартира их находилась в высотке на Котельнической набережной, огромная, в сто метров. Они не хотели, чтобы она превратилась в коммуналку.

Поэтому нам с сыном там бывать и тем более жить запрещалось. Женя почти не видел своего сына. Меня даже в конце концов выгнали с ребенком и Женей из этой высотки, и хорошо, потому что я от беды сняла квартиру где-то на окраине, и последние годы своей жизни Женя прожил с нами.

Но это уже произошло потом. А пока что мы так и жили, и я видела одни страдания.

И я написала рассказ «Такая девочка». Я сидела на бюллетене дома, больной Кирюша днем заснул, и ко мне пришла первая фраза. И я вдруг поняла, что у меня полтора часа времени и надо быстро работать. Схватила за свою тетрадку. На следующий день ситуация повторилась, я уложила ребенка и продолжала писать как в лихорадке. Позвонила подружка, я ей сказала, что говорить не могу, у меня тут ОНА вешается. И нажала на рычаг телефона, а трубка, как я потом обнаружила, так и повисла. Когда Кирюша проснулся, дело было сделано, трубку я вернула на место, и тут прорвалась испуганная подружка с криком «кто вешается?».

Этот рассказ не давал мне покоя, он требовал места под солнцем. И его отнес в журнал «Новый мир» поэт Женя Храмов, мы вместе с ним работали в «Кругозоре».

Спустя небольшое время мне позвонила из «Нового мира» редактор Инна Борисова. Она мне что-то такое сказала, что я просто решила разума. Именно решила разума. Главное, что я даже некоторое время не осмеливалась писать.

Вскоре я пошла в журнал, в тот святой дом на Пушкинской площади, в закоулке за кинотеатром. Куда я стала ходить и все последующие годы. Я и писала-то для Инны Борисовой. Получив от меня очередной рассказ, она, отодвинув все рукописи (а работа у них в отделе была каторжная), сразу его читала. И по ее лицу я видела, чего он стоит.

Это самое главное для писателя — кто ждет от него рукопись и с какой надеждой.

Инна складывала мои рассказы в особую папку. И однажды она мне сказала: «Если бы вы, Люся, знали, в какой хорошей компании вы у меня лежите в шкафу».

С ее подачи главный человек в отделе прозы, Анна Самойловна Берзер, знаменитая «Ася из Нового мира», тоже стала читать все, что я приносила.

И они с Инной задумали диверсию — когда главный редактор, поэт Твардовский, уехал в командировку, они сунули три моих рассказа в журнал. Рассчитывая, что главный не успеет прочесть декабрьский номер. Но он вернулся и быстро стал читать. И начал править мои рассказы. Везде, где у меня в первом рассказе он находил слово «пьяный», т.е. в трех местах, он это слово зачеркивал и писал «выпивший». Потом, видимо, понял бесполезность этого занятия и мои рассказы из верстки убрал... Прошел месяц, и в январе он меня вызвал, мы с ним (он со мной) проговорили три часа, он рассказал мне свою жизнь и объяснил, почему вынул мои рассказы из номера,— «мне нечем было бы вас защищать».

Я потом даже написала ему письмо — что вы принимаете деревенскую прозу, печатаете ее, а город-то молчит. Ему не пробиться в литературу.

Но, понимая всю безнадежность обстоятельств, я письмо не послала.

Вскоре Твардовского уволили с работы. Инна сказала мне по телефону, что он последний час в журнале. Я поехала туда и встала у выезда со двора. И дождалась, проводила, видела, как он уезжает в машине — совершенно серое, одутловатое, равнодушное лицо за окном «Волги». Со мной стояли еще двое — немолодая женщина (она ему поклонилась) и парень. Мы тут же разошлись в разные стороны.

А Инна хранила мои рассказы недаром — нет, их не печатали в «Новом мире» все двадцать лет нашей общей истории. Но в один прекрасный день туда пришел человек из МХАТа, режиссер и

помощник Олега Ефремова, Михаил Анатольевич Горюнов. Он искал авторов для театра. И Инна дала ему мою папку. Именно мою, хотя диалогов в моих рассказах практически не было.

Я их специально не употребляла, считая, что это первое, на что обращает внимание читатель. Он любит диалоги, он их сразу выделяет в серой массе слов на странице. Он ради них и покупает журналы. А у меня существовал такой принцип: ничем не привлекать читателя — ни разговорами, ни портретами, ни красивыми словесными оборотами. Чтобы меня читали только самые понимающие люди. Самые умные.

Я передавала сюжет так, как его бы передал человек на остановке автобуса. Он же не будет живописать обстоятельства: «Ее встретило осеннее утро из тех, которые хочется сразу забыть» или «И тут она опустила голову и произнесла». И что эта «она» произнесла — в диалоге будет ярко, похоже, выразительно.

Но я этим пренебрегала. Берегла текст для лучших людей.

А театру только диалоги и нужны, они составляют всю драматургию.

И почему Горюнов, получив папку моих суровых рассказов, где люди существовали молча, потом мне позвонил и попросил написать для МХАТа пьесу — это уже колдовство Инны Борисовой.

Только через двадцать лет в «Новом мире» была опубликована моя повесть «Свой круг».

И через двадцать лет в журнале «Огонек» появился мой тот первый рассказ, «Такая девочка». Редактура убрала слова «совесть мира».

Уже нет на свете ни Михал Анатолича, друга моего, Горюнова, ни великих редакторов «Нового мира», Инны Борисовой и Анны Берзер. Но именно они тогда меня удержали на поверхности. Не дали пропасть.

До сих пор помню, как мы с Кирюшей шли на почту в городке Плес — ему было почти восемь лет,

он долго болел после смерти отца. И я, забрав из больницы, повезла его на Волгу, в Плес, в Дом творчества театрального общества. Я-то уже писала пьесы, спасибо Горюнову. И мне в Театральном обществе дали в Плес курсовку на питание, одну на двоих. Только на это хватило средств. Кое-как пропитавшись, мы с Кирюшей дожили до отъезда, а денег на обратную дорогу не осталось, и мы пошли на почту, на последние копейки я собиралась послать маме телеграмму: «Шли 20 срочно». По дороге — для отвлечения от безнадеги — мы заглянули в магазин «Культтовары». И Кирюша, чуть не заплакав, попросил купить ему пистолетик. Я потратила 17 копеек, Кирюша стал невероятно счастлив. Семь лет было человеку. И денег осталось в обрез.

И на почте я заглянула в отдел «до востребования». И там меня ждал перевод от Инны и Аси, 35 рублей! «Это вам, Люся, на фрукты для Кирюши».

Никогда не забуду.